

СОДЕРЖАНИЕ

Сосуды каббалы: аркан и простыня	7
<i>Белочка, дубок и плаксивый царь:</i> каббалистический подтекст «Сказки о царе Салтане»	31
Каббала устами Орфея: теургический смысл «Медного всадника»	75
Дело об укушенном пальце: казус Достоевского	129
<i>Савраска и сансара:</i> этимология «Преступления и наказания»	159
«Тема с вариациями» Пастернака: анаграммы, геописьмо, каббалистический большевизм	191
Источники и сокращения	237

Перегородок тонкоробость
Пройду насквозь, пройду, как свет,
Пройду, как образ входит в образ
И как предмет сечет предмет.

Б. Пастернак

Две территории, обозначенные в заглавии, связаны исторически, и эта связь прослежена достаточно подробно¹. Существует и другой способ связи — конгруэнтность. В геометрии две фигуры считаются конгруэнтными, если одна из них может быть переведена в другую способом сдвига и совмещения. В области филологии такому совмещающему сдвигу соответствует интертекст. Конгруэнтность — связь по факту: отношение эквивалентности устанавливается самой операцией совмещения и не зависит от априорных соображений совместимости-несовместимости.

На первый взгляд, Пушкин и каббала — две вещи несовместные. Именно поэтому их совмещение может быть продуктивно. Конгруэнтность фигур предполагает изоморфизм пространств: интертекстуальные сближения связывают не тексты, а территории, и границы этой связности нельзя определить заранее. Территориальные совмещения практикуют «Зоар» и зависящая от него традиция. Постмодернистский интертекст — плоская топология, каббалистический интертекст — свернутая многомерная топология.

Главный тезис каббалы — *что наверху, то и внизу*. Ее теоретическое пространство задается формулой *от края и до края*: от

¹ См: *Burmistrov K. The Kabbalah as Primordial Tradition in Russian Secret Societies // Kilcher A. B. (ed.). Constructing Tradition. Means and Myths of Transmission in Western Esotericism. Leiden: Brill, 2010. P. 323—340; Байскопф М. Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. М.: Мосты культуры, 2008; Aptekman M., Ladder J. Kabbalistic Allegory in Russian Literature. Boston: Academic Studies Press, 2011; Schneider M. The «Judaizers» in Moscovite Russia and Kabbalistic Eschatology // Кенааниты: евреи в средневековом славянском мире / Ред. В. Москович. М., 2014. С. 224—260 (Jews and Slavs. Vol. 24.).*

нижнего предела — слова и буквы, до верхней беспредельности — территории всех территорий. Отсюда и тактика каббалы — радикализация, доведение до края — до точки, где территория смыкается с территорией.

Цель этой книги — конфигурация радикальной герменевтики с «русской герменевтикой» (В. Айрапетян). Возможность такой конфигурации вытекает из самой радикальной герменевтики как техники совмещения двух полюсов. Каббала — методология встречи: на другом полюсе каббалы — странные сближения Пушкина, поэтика диссонансов Достоевского, поверхбарьерность Пастернака.

В центре каждой главы — момент Невозможного и его работа — сборка территорий. Цель сборки в самой сборке, но сборка — это не игра. Здесь нет постмодернизма, скорее можно заподозрить другое родство — спекулятивный реализм. Речь идет не о том, чтобы завязать узел Невозможного, а о том, чтобы завязать узел, который вяжется, — построить на территории текста такое устройство, которое собирает себя за пределами своей территории — машину территориального синтеза. Доказать возможность Невозможного невозможно, но нельзя отнять у Невозможного возможность удачи.

СОСУДЫ КАББАЛЫ: АРКАН И ПРОСТЫНЯ

1

В 1988 году в академической иудаике произошло событие, которое было позже обозначено как «революция» и «коперниканский переворот», — вышла книга Моше Иделя «Каббала: новые перспективы». «Абстрактному» подходу Гершома Шолема Идель противопоставил исследования Леви-Стросса, Мирчи Элиаде, Поля Рикера. В его намерения не входила реализация этих перспектив: свою задачу Идель видел в изучении культурных практик, реализованных в каббалистических текстах. Главный упрек Шолему заключался в том, что он видел в каббале «еврейскую мистику» и увлекался теософскими схемами в ущерб экстатической и теургической практикам. Исследователь каббалы не должен быть каббалистом, утверждал Идель. То есть не должен быть «мистиком»¹. Но вместе с мистикой была выброшена за борт философия каббалы: Иделя интересуют только характерологические моменты каббалистических концепций.

Это была не коперниканская, а птолемеяева революция: гелиоцентрическую систему сменило множество эпициклов. Идель —

¹ *Idel M. Kabbalah: New Perspectives. New Haven; London: Yale University Press, 1988. P. 26.* Крайнее выражение этой исследовательской парадигмы — утверждение о том, что употребление термина «мистицизм» в работах о каббале — эффект «империалистического экспорта» европейской традиции (*Huss B. The Mystification of the Kabbalah and the Modern Construction of Jewish Mysticism. Ben Gurion University Review, Summer 2008: http://w3.bgu.ac.il/heksherim/review/pages/articles.aspx?article_num=28*).

крупнейший знаток каббалы, но его научная цель — инструментальное объяснение знания, заведомо менее богатое, чем само знание. Каббалу Идель объясняет с помощью *подходов* и *методов*. У меня противоположная и более скромная задача: научиться методу, усвоить подход к предмету из самого предмета. Все мы пользуемся каким-то инструментом и принадлежим к какой-то территории. Моя территория — филология. Я имею дело с текстами и не претендую на обладание глубинами. Но как филолог я хотел бы заметить, что слово *каббала* означает «получение». Содержание сосуда не совпадает с самим сосудом; каббала — способ вмещения *другого*: не исключено, что занимаясь другими вещами — историей или филологией, мы практикуем каббалу, хотя именно об этом и не знаем

«Каббала и астрофизика», «Каббала и генетика», «Каббала и правильное питание» — заглавия этого типа бесчисленны. Никто не знает, что такое каббала, но с помощью каббалы объясняют все что угодно. Но может быть, каббала соотносима с любым предметом именно потому, что это способ понимания предметов. Каббалу можно и нужно сравнивать с генетикой, астрофизикой и правильным питанием (поскольку питание — это метафора понимания), чтобы понять, что такое *сама* каббала.

«Kabbalah and criticism» — название книги Харолда Блума, вышедшей еще в «дореволюционный» период. Блум связывает каббалу с интерпретацией, в том числе с интерпретацией каббалы. В дереве сфирот он видит модель текстуальной узурпации. Подобно тому, как низшая сфира принимает свет высшей и «одевает» этот свет, интерпретатор подменяет свой предмет тем, *как* он его интерпретирует².

С этой интерпретацией нельзя согласиться именно вследствие узурпации предмета. Блум не учитывает, что диалектика света и сосудов разыгрывается внутри каждой сфиры. *'Ein 'or be-lo' kli ve-*

² Bloom H. Kabbalah and Criticism. New York: Seabury Press, 1975. Ср. дерридианское истолкование этого тезиса, из которого выводится постмодернистский характер самой каббалы: Кильхер А. Б. Языковой миф каббалы и эстетический модернизм // Немецкое философское литературоведение наших дней. СПб., 2001. С. 445—474.

'*ein kli be-lo' 'or* (Sefer Sha'arei Leshem 1:13): «нет света без сосуда, и нет сосуда без света». Не существует чистого света, который можно замутировать или исказить. И это не значит, что свет «всегда уже» замутичен. Если свет светит, значит, существует понимание света: свет-в-себе не отличается от тьмы. Но свет, освещающий все, кроме самого себя, это и есть понимание — свет, *вещающий* сосуд.

Речь идет о первом и безусловном Начале, и это начало двойственно: свет совместим с сосудом. Гуссерль начинает построение теории с первого шага — с усмотрения первоочевидности. Каббала начинает с Начала — с того момента, в котором построение теории и сама теория еще не различаются. Начало каббалистической практики — *кавана*, направленность сознания на то, что ему открывается. В точке начала еще нет ни Бога, ни субъекта. Начало дано; то, что дано, неотделимо от того, как оно дано: акт дарения — это и есть сосуд данности.

В «Зоаре» имя первой познаваемой сферы *Хохма* интерпретируется как *коах ма*, сила «что». Сотворение мира начинается с вопроса «что это?», подразумевающего, что нечто существует. В этом вопросе теория не отделена от практики: каббалистическая теория действенна, а практика концептуальна. В *коах ма* присутствует *коах ми*, сила «кто»: в данности объекта открывается дающее себя Дарение. Ж. Марьон настаивает: смысл Дарения в самом Дарении — Дарение дарит само себя. Но Дарение без дара — это Пустота (= Мальхут), а чтобы дарить себя, дарение нуждается в Силе (= Йесод): в «насыщенном феномене» просвечивает дерево сфирот³.

На первый взгляд, совмещение света и сосудов — разновидность корреляционизма, то есть утверждение: то, что *мы* знаем о мире — это то, что *мы* о нем знаем. Сильный корреляционизм, отрицающий доступ к абсолютному, укрепляет позицию Абсолюта⁴. Если

³ См. аналитику «насыщенного феномена» в каббалистическом контексте: Мерлин В. Россия и редукция (читая Ж. Марьона) // Мерлин В. В. Производство удовлетворения. Очерки симптоматологии русского тела. М., 2006. С. 5—36.

⁴ Meillassoux Q. After Finitude. Continuum, 2008. P. 76.

мы знаем *только* то, что мы знаем, то в нашем знании присутствует некий остаток — Непознаваемое. Этот остаток содержится в самом нашем знании: феномен со-вмещен с вещью в себе. Выше сфират Хохма — сфират Кетер, бесконечность, о которой мы не можем ничего сказать: высшая мудрость это знание о неизвестном. Сосуд не вмещает, а размещает: это не емкость, а территория. Сосуд не узурпирует свет, а позиционирует его — возвращает на его собственное место. Дело не в том, что строгая научная система не может быть полной, а в том, что для строгости и полноты системы необходимо, чтобы она включала внесистемный элемент.

«Зоар» — книга комментариев: «двое мудрецов встречаются над страницами Торь»⁵. Мудрецы встречаются в пути — *по ходу* комментария или в пещере — *погружаясь* в комментируемый текст. Способ погружения — выход в интертекст, сближение параллельных фрагментов на основе лексического совпадения. Встреча комментаторов обусловлена встречей цитат: диалог возникает в момент со-впадения.

Иделью принадлежит термин *арканизация* (от лат. *arcanus* ‘тайна’, ‘секрет’). Речь идет о «сознательных или бессознательных попытках ввести тайну в канонический текст»⁶. За рамками определения остается тот факт, что средство арканизации — интертекст: ключом к тайне текста признается другой текст. Идель противопоставляет интертекстуальности интеркорпоративность, имея в виду «скрытые соответствия между исторически и концептуально различными корпусами»⁷. Но интертекст — это и есть та сила и то средство, которые сближают тексты поверх барьеров. С помощью интертекста каббалист *заарканивает* Тайну: паронимическая игра — аркан каббалиста.

Сила аркана в том, что «странные» и «случайные» сближения выявляют глубинные семантические связи. Русское слово *аркан* — заимствование из тюркского, восходящее к протоалтайско-

⁵ Либес Й. Зохар и Эрос // Вестник Еврейского университета. 2000. № 4. С. 224.

⁶ *Idel M. Absorbing Perfections. Kabbalah and Interpretation. Yale Univ. Press, 2002. P. 167.*

⁷ *Ibid. P. 252.*

му **erka* < **rVkv* ‘вязать’, ‘привязывать’. Соответствующий индоевропейский корень **(o)reg[a]*- имеет значение ‘выпрямлять, вытягивать вперед, направлять; цепочка следов линия’ (ср. греч. *arákhnē* ‘паутина’).

Танахический термин *raki'a* ‘небесный свод, firmament’ (< *rk'* ‘расстилать’) восходит к той же корневой группе. Вполне адекватным был бы другой перевод этого термина — интертекст, переплетение. «И создал Бог свод и отделил воды, которые под сводом, от вод, которые над *raki'a*» (Быт 1:7)⁸. Граница между территориями не принадлежит ни одной из территорий: это план совместности, место со-протяжения: «и дух Божий носился над водами».

Метод «Зоара» — компаративизм без берегов, интертекстуальность как таковая — без условий и компромиссов. Все начинается с «априорного синтеза» — с акта совпадения⁹. Совпадение конструирует пространство совместности, то есть мир: в этом смысле интертекст предшествует тексту. Интертекстуальность ахронична — «в Торе нет раньше и позже», но не антиисторична, поскольку сама история — это пространство совпадений: мессианский процесс разворачивается на самых разных текстуальных площадках.

Компаративизм без берегов не имеет ничего общего ни с эпистемологическим анархизмом, ни с альтернативными логиками и соотносится с ними лишь постольку, поскольку принадлежит пространству методологической рефлексии. Скорее это методологический минимализм — компаративный метод в рамках самого метода (предполагающий возможность сравнения *методов*). Минималистом был В. Иллич-Свитыч, использовавший инструментарий сравнительно-исторического языкознания, но снявший его территориальные ограничения: в этом смысле ностратика — это индоевропеистика без берегов.

⁸ Здесь и далее книги Библии обозначаются русскими аббревиатурами; еврейские тексты, не имеющие канонических соответствий, кодируются латиницей.

⁹ Субстанциональную теорию совпадений в контексте каббалы и спекулятивного реализма разрабатывает Йозель Регев (см. его книгу: Коинсидентология: краткий трактат о методе. М.: Транслит, (в печати)).

В современных типологических исследованиях языковое родство понимается как лингвистическое расстояние. Этот показатель вычисляется на основе самих компаративных процедур и не совпадает с ареальной близостью: фактически у любой макросемьи обнаруживаются родственники на других континентах. На фоне регулярных соответствий *выскакивают* (по выражению С. А. Старостина) посторонние этимологии, но именно эти закадровые случаи и создают отношение внесемейного родства, подобно тому как в ядерной физике *странные частицы* несут энергию *сильных взаимодействий*. Ссылки на «миграцию» не объясняют тех случаев, когда родственные языки разделены во времени¹⁰, и, поскольку случаи соответствия устанавливаются самим лингвистом, точнее было бы говорить о миграции метода.

В наиболее простом, *буквальном* смысле каббала — это игра с буквами. Прежде чем говорить о «культурном феномене», необходимо понять, в чем заключается этот феномен: комбинаторика, не ограниченная пространством текста, строит *неограниченную* территорию. Территория не предшествует игре — ни как «трансцендентальное единство апперцепции», ни как «тело без органов». Игра и территория симультанны, но территория игры превышает игровое поле.

Территорию нельзя построить, находясь внутри территории. Территория замыкается в проекции на другую территорию: чтобы замкнуть территорию, ее надо разомкнуть. План совместности проецируется в «опыт» и в «теорию» — в представление представления, которое уже не является представлением *букв*. Территория погружается в территорию, сосуд одевается в сосуд: пространство априорного синтеза — это пространство синтеза пространств.

Техника создания Голема, восходящая к «Сефер Йецира», заключается в том, что каждая буква алфавита комбинируется со всеми остальными буквами, а затем с каждой буквой Божественного Имени, и эта процедура распространяется на семьдесят языков

¹⁰ Ср. соответствия между баскским и шумерским языками, разделенными промежутком в три тысячелетия: *Babaev K. Once Again on the Comparison of Personal Pronouns in Proto-Languages // Вопросы языкового родства. 2009. № 1. С. 45.*

мира¹¹. Каждое расширение комбинации повышает уровень обобщения, выходя в конце концов на полную территорию, включающую самого субъекта. При этом уже минимальная комбинация, поскольку она не имеет предустановленного «места», эквивалентна полной территории: игра означающих охватывает *все*. Голем — это самореализующаяся тотальность языка, и поскольку дополнения к тотальности не существует, язык не может вы-сказаться: Голем нем.

Каббалистическую комбинаторику часто сравнивают с генетическим кодом, объясняя это тем, что «генетическая информация хранится не в клетке». Между тем сущность аналогии заключается в том, что генетический код также имеет несколько уровней. Пара хромосом закручена в двойную спираль: цепочки перекрещиваются, образуя интертекстуальную структуру. Спираль обладает сверхскрученностью, что увеличивает число сцеплений: на пересечения первого порядка накладываются дополнительные перехлесты: известно, что чем дальше гены находятся друг от друга в хромосоме, тем чаще между ними происходит кроссинговер. Сверхскрученность спирали может означать, что спираль закручена в четвертом измерении, но поскольку эту закрутку мы не видим, мы понимаем дополнительные пересечения как «странные сближения» — необъяснимые рекомбинации хромосом. Это не значит, что генетический код хранится на небесах: четвертое измерение — это собственное пространство кода, интертекст.

«Бывают странные сближенья», говорил Пушкин, но у самого Пушкина сближения бывают только странными¹². Бывают и другие термины — «культурно-историческая телепатия» (Бахтин), «резонансное пространство литературы» (В. Н. Топоров). Стран-

¹¹ *Idel M. Golem: Jewish Magical and Mystical Traditions on the Artificial Anthropoid*. Albany: State University of New York Press, 1990. P. 11; *Kabbalah and Interpretation*. P. 266.

¹² Ср. «инвариант» Пушкина: «объективный интерес к действительности, осмысляемой как поле взаимодействия амбивалентно оцениваемых начал» (*Жолковский А. Инварианты Пушкина // Труды по знаковым системам*. 11: Семиотика текста. Тарту, 1979. С. 3—25. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 467)).

ное вводится в терминологические берега, но остается странным: терминология не объясняет, как резонируют и диалогизируют тексты (поскольку бахтинский диалог — та же телепатия: полемика с *голосом* другого в отсутствие самого другого). За странностью далеко ходить не надо: в «диалоге» диалогизирует сам Бахтин, противопоставляющий диалогизм монолизму, а тексты литературы резонируют не где-нибудь, а в тексте филолога, провоцирующего резонанс и замыкающего его контур своим текстом.

С. Бочаров, ссылаясь на Бахтина и Топорова, предлагает свой термин — *генетическая память литературы*, имея в виду, что генотип не совпадает с фенотипом — интертекстуальность не покрывается цитатностью¹³. Но интертекст в принципе лежит вне оси времени. Комбинации текстов имеют не больше ограничений, чем комбинации букв. Бочаров отмечает, что генотип полнее выражают не более раннее, а более поздние тексты. Наследство переходит не от отца к сыну, а от сына к отцу, но это лишь доказывает, что интертекст не имеет ничего общего с наследованием. Нестранных сближений не бывает: родственников ищут за пределами семьи, и может быть, само родство — это перевернутое мессианство.

Интертекст — частный случай совмещения (конгруэнтности). Общий каббалистический термин для обозначения этих случаев — *зивуг*, супружество-совокупление — в самом конкретном и самом абстрактном смысле. Соответствие супругов проявляется в их сочетании, и наоборот, *mating* это всегда *matching*. Каббала не знает сравнения без сближения, эквивалентности без конгруэнтности. С точки зрения метода это означает, что не существует типологического сходства без исторической связи, при том что установление сходства как связывание того, что не было связано, — это тоже исторический акт.

«С начала дней Всевышний только и делает, что создает миры. И что такое эти миры? Это человеческие совокупления (*zivugin di-bnei nasha'*)» (*Zohar* 1: 89a). Можно передать это словами Пастернака: *Так каждому сердцу кладется любовью / Знобящая новостъ миров в изголовье* или выразить формулой: множество всех

¹³ Бочаров С. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 545, 549.

подмножеств универсального множества совпадает с множеством комбинаций внутри этого множества. Но главное — как это сказано в подлиннике: совокупность возможных миров замыкается на совокупность совокуплений, и это замыкание — тоже совокупление.

Парное сочетание — механизм территориального синтеза. Сближая две территории, сравнение создает третью — пространство самой конфигурации¹⁴. Разумному совету не путать божий дар с яичницей противостоит каббалистический принцип «что наверху, то и внизу». С точки зрения каббалы сравнение божьего дара с яичницей — это хорошее сравнение именно потому, что эти две вещи нельзя спутать. Божий дар — это сочетание Отца и Матери, производящее новые души, — проекция небесного плана в земной. Формула яичницы — сочетание двух яиц в плане сковородки. Фигура сравнения — слияние двух фигур в конфигурацию и двух текстов в интертекст: чтобы слияние произошло, необходимо разбить сосуды.

Интертекст — это только орудие захвата, *point de captation*. Само же событие интерпретации заключается в *слиянии горизонтов*, которое требует *размыкания* горизонта — разгерметизации герменевтики. Средство размыкания — вопрошающая сила, исходящая от текста: «Содержание предания, которое к нам обращается... само задает нам вопрос и тем самым выводит наши мнения в сферы открытого»¹⁵. В терминах Лакана это *анаморфоз* — трансформация обратной перспективы. Орудие анаморфоза — Фаллос. Означающее: поскольку это орудие принадлежит Другому, точка захвата совпадает с точкой переворота. В каббале фаллос символизирует третья буква Божественного имени *вав* ם — «продолжение

¹⁴ В Талмуде аналогичную функцию выполняют пограничные и парадоксальные объекты (сумерки как совмещение дня и ночи, находка как совмещение кражи и легальной собственности). Совмещающая несоместимое, «еврейская логика» обостряет закон противоречия и в этом смысле не отличается от аристотелевской логики (ср.: *Schumann A. Preface // Modern Review of Judaic Logic. History and Philosophy of Logic. Vol. 32. Issue 1. 2011. P. 1—8*).

¹⁵ *Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 439.*